

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ *

Я несколько старше Фундаментальной библиотеки ЛПИ, отмечающей свое 60-летие. С двухлетнего возраста я жила рядом с ней на территории института, слышала о ее существовании и видела сквозь стеклянную дверь, бывая в Главном здании. Видела и Е.Н. Добржинского, так как он жил в том же доме, именуемом сейчас "1-й профессорский корпус".

...Хорошо помню его высокую фигуру, размеренно шагающую вдоль дома, в неизменных высоких русских сапогах, и слегка наклоненную вперед, так как он всегда ходил заложив руки за спину. После возвращения из Саратова он жил некоторое время на проспекте Раевского, но потом снова получил квартиру в нашем доме. Здесь он и умер от воспаления легких в 1938 году. Утром, в день похорон, гроб с телом был перенесен в библиотеку и установлен в средней части читального зала. Тут же состоялся многолюдный траурный митинг с участием представителей других библиотек. Не помню, кто выступал на митинге. Директором библиотеки тогда был В.П. Макаров. Многие стояли в почетном карауле, стояла и я. Похоронен он был на Богословском кладбище.

...Последние годы жизни Евгений Наркисович числился консультантом библиотеки и продолжал работать над систематическим каталогом. Я тогда работала в другой библиотеке, но из тридцати с лишним лет моей работы в библиотеках более половины приходится на Фундаментальную. В первый раз я поступила сюда в 1921 году, проработала недолго, и в 1924 году поступила снова и до 1930 года работала под руководством Евгения Наркисовича. Здесь я стала библиотекарем, получив навыки работы и пополнив библиотечные знания на Высших библиотечных курсах при ГПБ, организованных такими основоположниками и энтузиастами библиотечного дела, как Добржинский, Гуцин, Гребенщиков, Банк и др. Могу сказать, что, работая в дальнейшем в других библиотеках, я не раз думала, что мне приходится учиться исходя из того, как не надо делать. Только навыки библиографической работы я приобрела уже в других библиотеках. Возвращаясь к библиотечным курсам, я хочу еще напомнить, что преподавание велось совершенно бескорыстно. Зарплата, которая выплачивалась преподавателям, немного превышала трамвайные расходы по поездкам на курсы.

Когда я поступила в библиотеку весной 1921 года, ею руководила ближайшая помощница Евгения Наркисовича - Е.А. Бачико. Сам он вернулся из Саратова осенью этого года и снова стал во главе библиотеки. Я работала тогда в студенческой читальне - справочном отделе, как она тогда именовалась. Тут были сосредоточены учебники и руководства, необходимые для выполнения лабораторных и чертежных работ. Необыкновенно популярными были атласы деталей машин Берлова, теперь, кажется совсем забытые. Главное здание не отапливалось, и справочный отдел размещен был в одной из квартир Химкорпуса. Он занимал переднюю и две небольшие комнаты - фонд и читальня. Книг было несколько сотен. В 1924 году я снова начала работать в Справочном отделе, но помещался он уже в верхнем этаже 2-го учебного корпуса, против механического корпуса, занимая вместе с читальней большую комнату. Книг

* Заметка из стенгазеты "Библиотекарь" за 1962 год.

было тысячи полторы-две, открыт он был до позднего вечера, и днем дежурили по два человека, так как читателей было порядочно. Зачислена я была одним из внештатных работников с зарплатой 17 руб. 50 коп. (правда, мы работали по пять часов при двух выходных в неделю). В соседней комнате помещалась преподавательская читальня русской периодики (иностранная тогда не получалась), и тут же велась обработка всех поступлений. Вся периодика размещалась на круглом столе, вероятно, том же самом, на котором раскладываются сейчас газеты в зале русской периодики. Основной фонд оставался в неотопливаемом Главном здании. Абонемент зимой помещался в одной из аудиторий второго этажа, обогревавшейся "буржуйкой". Вспоминаю фигуру Е.С. Мальстрем (много лет работавшей на абонементе) в шубке и меховой шапке.

Осенью 1924 года было пущено отопление, и библиотека собралась в основном помещении: абонемент и справочный отдел внизу, в зале; основной фонд и внутренняя работа - наверху, на хорах. Фонд читального зала постепенно рос. Образовался небольшой фонд выдачи учебников на дом, который под названием "отдел учебников" помещался в небольшой аудитории второго этажа. В конце 20-х годов начали поступать крупные ассигнования министерств на покупку учебников. Они покупались по заявкам факультетов, некоторые в сотнях экземпляров, как, например, очень популярный тогда "Курс подъемных кранов" Бетмана, "Сопrotивление материалов" Дружинина и др. Вся эта масса учебников срочно обрабатывалась и переплеталась. Вскоре открылся новый отдел - снабжения, в помещении теперешнего кабинета директора библиотеки. Мне пришлось его обслуживать первые месяцы. Книги выдавались сроком на 1 месяц. Помнится, что каждый студент имел право взять три книги. Была введена система записи кандидатов на специальных почтовых карточках-извещениях за счет читателя. Студенты быстро освоили эту систему и, сдавая нужный учебник, предъявляли полученное ими кандидатское извещение, удлинняя таким образом срок пользования. В дальнейшем этот фонд перешел в отдел учебников и лег в основу современного "учебного фонда".

В середине 20-х годов начала поступать иностранная периодика. В качестве "первой ласточки" пришло несколько номеров журнала, присланных академиком А.Ф. Иоффе, командированным тогда за границу. Вспоминаю их лежащими у абонемента, пока все их не пересмотрели.

Преподавательская читальня периодики размещалась в первом этаже, сначала в теперешнем кабинете иностранных языков (справа), а затем слева от бывшего преподавательского (центрального) входа.

Е.Н. Добржинский руководил всей работой библиотеки. Прекрасный организатор, он умел поставить ее очень четко, уподобляя всю библиотеку одному слаженно работающему механизму. Вспоминаю его ежедневные приходы в библиотеку. Он появлялся сразу после начала работы и, держа шапку в руках, обходил всех сотрудников на их рабочих местах, сначала внизу, потом наверху. Тут же разрешались вопросы, возникавшие в процессе работы. Затем он скрывался в своем рабочем кабинете на маленьких левых хорах "алтаря". Дольше и чаще всего он бывал у стола А.Г. Шимпфа, так как здесь были сосредоточены все вопросы комплектования, финансовые, хозяйственные дела.

От отца мне приходилось слышать, что только с приходом Е.Н. Добржинского библиотека начала работать по-настоящему. Ей уделялось очень много внимания со стороны руководящих органов института. Отпускались большие средства на приобретение книг и оборудования. Большие валютные ассигнования создали богатейшие иностранные фонды книг и журналов. Из Швейцарии выписывалось новейшее библиотечное оборудование, включая библиотечные карточки, которые можно видеть в старых каталогах (до 1930 года). Для обеспечения тишины в читальном зале были заказаны резиновые наконечники, которые были одеты на ножки всех стульев и

кресел, находящихся в библиотеке.

Мне вспоминается, как в своем ответном слове на чествовании его юбилея в Обществе библиотековедения Евгений Наркисович между прочим сказал, что все те заслуги, о которых говорили выступавшие ораторы, принадлежат не ему, а тем благоприятным условиям, в которых он оказался. Конечно, с его стороны это была преувеличенная скромность. Только сочетание его незаурядного таланта библиотекаря с возможностями, которые были ему предоставлены, создали такой высокий авторитет Фундаментальной библиотеке ЛПИ и, в частности, как своеобразной лаборатории библиотечной техники, куда приходили и приезжали для того, чтобы многому научиться.